

А. Островский

**Художественные
произведения разных лет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

A11 **А. Островский**
Художественные произведения разных лет / А. Островский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 122 с.

ISBN 978-5-458-04316-8

В книгу вошли малоизвестная художественная проза великого русского драматурга А.Н. Островского.

ISBN 978-5-458-04316-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Островский, 2021

Художественные произведения

Александр Николаевич Островский

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС, ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

В одном из грязных переулков, которых так много между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом. Рядом с домом будка с белыми колоннами. Этот домик, со множеством прочих близ стоящих, принадлежит одной почтенной персоне, которая была чуть ли не у крепостных дел где-то секретарем, но по причине слабости здоровья и трясения рук вышла в отставку; вот, чтобы иметь всегда хлеб насущный, и скупила весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдает внаймы по уголкам. Так вот в описанном-то домике живут два рода жильцов: во-первых, квартальный надзиратель Ерофеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Первую, лучшую половину (два окошка на улицу) занимал квартальный. Его нечего описывать, он не имел ничего особенного, был обыкновенный квартальный надзиратель, форменный, посевший и растолстевший на службе царю и отечеству. Жена его - это дело другого рода, нельзя не описать, не из дюжинных; она довольно хороша собой, лет с небольшим двадцать, личико беленькое, румяньенкое, волосы черные, бровки колесом, говорят, будто она их подкрашивает, ну да это грех невелик, - и по-французскому знает. Она слывет в околodge дамой образованной. С ней, брат, не стговоришь, одним словом ограничит, говорит Иван Иванович Зверобоев, сосед их. И на фортепяно забавляется, поет "Безумную" и "Ты не поверишь" без нот и половину романа "Талисман" по нотам; когда ее просят спеть другую половину, она говорит, что еще разыгрывает (вот уж года четыре). Она недавно вышла замуж больше из интересу, а говорит, что из любви, но вы не верьте ей. Она немного кокетничает, как говорит Иван Иванович Зверобоев, мигая одним глазом, и особенно не может равнодушно смотреть, когда по переулку едет офицер с черным или белым пером. Зовут ее Анисьей Павловной.

Другую, худшую половину (одно окошко на улицу и притом верхнее стекло открывается в виде форточки) занимает Иван Иванович Зверобоев. Он ходит в серых брюках, в белом пикетовом

жилете летом, а зимой в форменном и во фраке с светлыми пуговицами. Шляпа у него прежде была горохового цвету, а теперь, говорят, купил черную, - все это может быть. Служит он хорошо, забыл только в каком месте, кажется в сиротском суде, имеет знак беспорочной службы и уж чуть-чуть не титулярный. От роду ему лет сорок, росту небольшого, немножко рябоват. Лицо цвету светлорыжевато-красному с красными крапинками, волосы заметно реденеют, особенно на висках и на маковке; впрочем, он хочет казаться молодым человеком. Он имеет претензию на ум и с особенною важностью и смелостью повторяет суждения, вычитанные из журналов, об наших писателях. Особенно он пленяется Пушкиным, - он купил у Сухаревой башни один том сочинений Пушкина, который и лежит у него всегда на столе. Говорят, будто он и сам писал стихи, и поэтому приходил к нему А. П. Сл[нрзбр.] просить оных для помещения в [нрзбр.], но он из скромности не дал, и поэтому публика не знает ничего об этих грехах его. Говорят также, что он жил на Зацепе, на квартире у одной купчихи третьей гильдии, и, чего злые люди не наведумают, будто бы так, не платя за квартиру. Когда заговорят с ним об этом, то он всегда сморщит лицо свое и с важностью говорит, что точно жил на Зацепе, но, по разным сплетням, а более потому, что там нет хорошего общества, переехал сюда. Итак, это дело темное, может быть последствия откроют. Теперь приступим к повести.

Была осень. Таинственный полусвет вечера воцарялся над Москвой. Солнце гасло, утопая в розовом море зари. Грустно смотреть, как догорает день осенью. Только одно солнце и живет умирающую природу, и оно гаснет, как гаснет последний румянец на щеках умирающего. Иван Иванович сидел в своей комнате у окошка и наслаждался картиной вечера. Последние лучи солнца отражались на его стеклах, против него в почтительном отдалении сидел пожилой человек в драповом сюртуке, остриженный в скобку. Это был один купец соседний, которого мучила жажда просвещения, и он ходил к Ивану Ивановичу за книжками.

- Ну что, батюшка, читали книжку-то? - сказал Иван Иванович.

- Читал, да только не всю.

- А почему же не всю? - спросил Иван Иванович с удивлением.

- Да так-с, занятного-то ничего нету-с.

- Ах, что вы говорите, Пушкин был величайший поэт, он, так сказать, облагородил русский стих, он первый, так сказать, причул нас читать легкую поэзию.

- Оно, может быть, что другое и хорошо. А тут такое, что порядочному человеку совестно читать-с.

- Да вы что читали-то?
- А вот как какой-то граф к помещице в спальню пришел. Ей-богу, не благопристойно-с.
- Это, батюшка, значит, что вы отстали от веку, который беспрестанно подвигается и быстрыми шагами идет вперед.
- Вы это про кого говорить изволите, я что-то не понял-с. А вот послушайте лучше мое глупое слово.
- Что такое вы хотите сказать?
- Да вот в "Библиотеке для чтения", я брал ее у приятеля недавно, там под статью гиморой сказано - статья не Для дам, ну, так и тут бы оговорку сделать - статья, дескать, не для дам, там пускай себе читают, да сочинитель-то по крайности прав, не так ли-с?
- И, да разве вы не видите, что это каламбур. Бар Бар {Вероятно, следует подразумевать фамилию редактора журнала "Библиотека для чтения" О. И. Сенковского, писавшего под псевдонимом "Барон Брамбеус".} уж такой писатель, что вечно каламбуры пишет.

Тут почтеннейший гость раскланялся и ушел домой. Иван Иванович принялся в десятый раз с громкими восклицаниями читать Нулина. Потом поужинал и лег спать, как и все порядочные чиновники, в десятом часу.

Вы думаете, что и конец; нет, это еще только начало. Иван Иванович долго лежал, устремивши взоры в потолок, и думал о чем-то, потом погасил свечку и завернулся в одеяло. Но сколько он ни старался, уснуть никак не мог. Воображение его, настроенное чтением Нулина, и соседство хорошенькой жены квартального рисовало ему разные курьезные вещи, и вместе с тем что-то тяжелое давило ему сердце. Вот он встал с постели, высек огню, закурил трубку и сел под окошко.

На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчетам полиции, должен был светить месяц, потому и не зажигали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно. Только один фонарь подле будки изливал тусклое сияние, и лучи его падали прямо на окошко. Ивану Ивановичу было душно, он опять походил по комнате, подошел к окну и открыл форточку, но это не помогало, какое-то неизвестное томленье тревожило его душу. Вот он встал на колени на окошко и положил голову в форточку, свежий ветер дул ему прямо в лицо, крупные капли дождя падали с крыши прямо ему на нос - это его немного освежило. Он взглянул на будку - хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. Вот подошел к нему другой будочник.

1. Що, Трохиме, а який час?
2. Та вже часов дисять е.
1. Еге, а где ты був?
2. Та с фартальным ходили.
1. А где ж вин дивався?
2. Та где, - у Браилови.
1. Еге - а що там?
2. Та що, яки-то немци гуляют.
1. Еге.
2. И музыка грае и якого-то вальца танцуют.
1. Еге, а горилку пьют? - сказал, делая горлом, как будто что глотает.
2. Та як пьют, без усякой лепорции.
1. Ну, а вин що?
2. Пив, пив и горилку, и пиво, и усе, та як у пляс пустится, так у во всей официи беда.

1. Еге.

2. Я ну швыдче от биди втикати.

В голове Ивана Ивановича родилась ужасная мысль. Квартального нет дома, Анисья Павловна одна, подумал Иван Иванович, и граф Нулин пришел ему на память. Тут он с глубоким вздохом слез с окна, надел халат и начал ходить по комнате, собираясь с духом; душа его вертелась между страхом и надеждою. Вот он подошел к двери, взялся за скобку, подумал немного и опять назад. Тут он начал гадать, зажмурил глаза, хоть в комнате было так темно, как в царстве Плутона, повертел пальцем кругом пальца и начал медленно сводить; первый раз сошлись, второй - нет и третий сошлись, в четвертый - нет. Потом раза три он подходил к двери, наконец решился. Дверь скрипнула. Анисья Павловна лежала на постели и читала что-то, вдруг она опустила книгу и устремила свои огненные взоры на Ивана Ивановича: он сконфузился решительно.

- Я так-с, я, ей-богу, ничего-с, не нарочно погасил свечку-с, - пробормотал Иван Иванович и, остановившись у дверей, целомудренно запах[нул?] рук[ами] халат свой кругом шеи.

- Взойдите, Иван Иванович, - сказала Анисья Павловна, наивно улыбаясь.

Иван Иванович нерешительными шагами подошел к кровати.

- Как это вам не стыдно, Иван Иванович, ходить к даме в спальню, - сказала Анисья Павловна шутивным тоном.

Иван Иванович хотел что-то сказать, но запутался в словах.

- Сядьте, Иван Иванович, что вы стоите.

Иван Иванович сел на стул подле кровати. Молчание.

- Ах, вы не поверите, как мне бывает скучно, Иван Иванович, - сказала Анисья Павловна, повысивши голос на два тона и прищурив глазки. По коже Ивана Ивановича пробежал мороз с головы до пяток и обратно.

- Муж редко бывает дома, все одна да одна, да вот до которой поры нейдет, ужасная скука.

- Да они, я думаю, и не придут-с, они, кажется, немножко тово-с, загуляли-с, - сказал Иван Иванович с пленительной улыбкой, потом покраснел и замолчал.

- Ах, Иван Иванович, что это вы так конфузитесь? - сказала Анисья Павловна тоном откровенности. - Вот я знаю одного студента, такой молодой, с черными усиками, тот гораздо развязнее.

- Вы читали "Графа Нулина"? - сказал Иван Иванович ободряясь.

- Так что же, вы боитесь такой же развязки; может быть, я буду не так строга.

Но оставим их и посмотрим, что делается на улице.

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

- Служивой!

- Що тобі?

- Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ишу, с Зацепы шла.

Будочник. Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.

- Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пяточка не пожалею, только бы найти бездельника.

[Будочник]. Та а бог его знае.

- Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

Будочник. Та как его знать, чего не знаешь.

- В серых штанах ходит.

Будочник. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

- Ив белой пуховой шляпе. Одна в Москве. Будочник. Такого видал.

- Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ишу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок. - Шляпа-то важная.

- Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла. - Толкает его под бок.

Будочник. Та що ты дерешься; не в указные часы по вулицам

шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.

- Нет не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

[Будочник]. Видали-ста мы вашего брата. Вот его фа-тера, - сказал он с пренебрежением, показывая на дом, - ступай соби.

Вдруг сильные удары посыпались в окошко.

- Не муж ли это, посмотрите, Иван Иванович, - сказала Анисья Павловна. Иван Иванович приподнял занавеску, взглянул в окно и начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшается, - в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза.

- Что там? - сказала Анисья Павловна.

- Так, ничего, пьяный какой-то ломится.

Вот стук начал утихать. Иван Иванович несколько успокоился. Вдруг дверь растворяется настежь, и московская купчиха является в передней. Иван Иванович прыгнул туда же, захлопнул за собою дверь и заслонил своей персоной.

- Так-то ты, бездельник, делаешь, так-то ты за мою хлеб-соль да за доброе сердце благодаришь, и глаз не кажешь, и не видать тебя, с вечерен ишу, с Зацепы шла, - и она прослезилась. Иван Иванович хотел говорить, но язык прильнул к гортани.

- Так ты меня совсем покинуть хочешь, нет, не позволю, не дам себя в обиду, чтобы ты надо мною, над беззащитной вдовой, насмеялся, до енарала пойду.

- Ах, какой вы непостоянный кавалер, Иван Иванович, - послышался голос Анисьи Павловны из другой комнаты.

- Это еще [кто?] там у тебя, пусти меня, варвар, уж И обзавестись успел, пусти, я там крамболя наделаю.

Иван Иванович защитил собою дверь. Анисья Павловна находилась в осажденном положении. А дама в красном платке уже начала приступ, как вдруг является квартальный надзиратель, поддерживаемый будочниками. Тут началась ужасная сцена. Одна бросилась на квартального с упреками за распутство, другая на Ивана Ивановича с упреками за неверность. Мое перо не в состоянии достойно описать этого. Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро все утихло и кончилось мировой.

1843 г. Декабря 15.

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Милостивые государи и государыни! Спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля 1 дня, я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников неописанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ея, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, - все это было покрыто мраком неизвестности.

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в нее птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно - значит впасть в односторонность.

Итак, имя и положение этой стороны нам были известны; все же остальное, как я сказал, покрыто было непроницаемой завесой. Остановится ли путник на высоте кремлевской, привлеченный неописанной красотой Москвы - и он глядит на Замоскворечье, как на волшебный мир, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи. Таинственность, как туман, расстилалась над Замоскворечьем; сквозь этот туман, правда, доносились до нас кое-какие слухи об этом Замоскворечьем, но они так сбивчивы, неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни один еще благомыслящий человек не мог из них составить себе сколько-нибудь удовлетворительного понятия о Замоскворечьем. Эти слухи такого рода, что многие пришли в недоумение, верить им или нет. (Вот здесь-то заслуга моего откры-

тия.) Например, я недавно слышал, как один почтенный и во всех отношениях заслуживающий уважения человек рассказывал, что за Москвой-рекой есть дом каменный и каменным забором обнесен; только кто в нем живет, этого никто в мире не знает. А потому, видите ли, не знают, что ворота железные и уж несколько лет заперты; а что люди живут в этом доме, на это есть ясные признаки: и шум слышен, и собаки лают, и по ночам огонь виден. Еще рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно. - Отчего же страшно? спросите вы. - А вот отчего, скажут вам: Там есть место, называемое Болвановка. - А почему она Болвановка? - Потому, что там стоял татарский бог; по-нашему сказать, идол, а по-татарски, болван. Вот и извольте жить на этом месте! На таких местах хозяева от своих домов отказываются, никто ни нанимает, ни покупает, да и самим жить жутко. Или вот, не очень давно, один молодой человек уверял, что за Москвой-рекой есть улицы верст по двенадцати длины, и это показание одна дама почтенных лет и солидной наружности подтвердила следующими словами: "Что мудреного, батюшка, я как-то ездила в Царицыно, так проезжала это Замоскворечье- ехали, ехали, и конца ему нет!" Так вот что говорят про Замоскворечье. Но вы, почтенные читатели и читательницы, этим слухам не верьте. Это все пустяки. Благодаря счастливому стечению обстоятельств мы можем теперь черпать сведения о Замоскворечье из чистого источника. Источник этот - найденная мною рукопись; она носит заглавие: "Записки замоскворецкого жителя". После первых порывов радости и возблагодарив судьбу за эту находку, я стал ее рассматривать. И вот что оказалось: рукопись эта писана на серой бумаге в четвертку, по-русски и кудрявым почерком, имени автора нигде не видно. Подозревать, что это перевод какой-нибудь древней, например греческой, рукописи, были бы с моей стороны очень смело, тем более что я совсем не знаю по-гречески; да и самое содержание показывает, что это, должно быть, оригинальная русская рукопись. Как далеко ни ездил Геродот, а в Замоскворечье все-таки не был. Впрочем, мы от этого ничего не теряем. Наш неизвестный автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут все - и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания. Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, описывает, что творится по большим, длинным улицам и по мелким, частым переулочкам. Вот уж это, почтенные читатели, сушая правда; это не слухи какие-нибудь, а рассказы очевидца. Уж сейчас видно, коли человек говорит правду.

Сведения, сообщенные этой рукописью, я поверил на месте и